* * *

Воздух пахнет снегом или кровью?
Я не то что жить – дышать устал.
Вырастают новые надгробья,
не снимает траур Дагестан.

Время – сапогами по обломкам,
по спине солдатским вещмешком.
Что ему до предков? До потомков?
Время не заплачет ни о ком.

Мне дитя даёт ещё надежду, –
будущее мира среди бед –
улыбается в пелёнках безмятежно,
излучая чистой жизни свет.

ЗОЛОТОЙ СНЕГ

Когда редеют кроны чащи
и листья ветви покидают –
мотив прощальный и щемящий
молитвы силу обретает

в предчувствии, что скоро-скоро
со все живым душа простится.
Как ласков воздух в эту пору!
Как, замирая, лист ложится!

Деревья дышат тихо, ровно,
и сыплет листопад густой,
и рассыпается по склонам
снег золотой,
снег золотой.

Я нынче шёл, а листьев стая
плела загадочный узор,
и, вглядываясь и читая,
я разглядел аул средь гор.

Мне виделся погост, могила
отца. И рядышком – моя.
Под звук чудесного мотива,
который ясно слышу я,

легко слетает листьев стая,
чуть освещая куст пустой,
и серый камень заметает
снег золотой,
снег золотой.

ГАМЛЕТ

На корабле сомнений, в бурях мира,
плывёт безумный Гамлет, ищет мести,
в пучину ввергнут волею Шекспира,
не сознавая даже, что он в пьесе.

В отмщении он видит дело чести.
Гребёт веками, но стоит на месте.
Не верит в Бога, в Призрака лишь верит,
всё дальше от него спасенья берег.

Не чувствует, как вал в затылок дышит,
пасть чудища не видит в мутном иле.
Его всего один вопрос колышет,
одна печаль, но главная – быть или
не быть?

А ветер времени
жесток и безучастен.
Ах, Гамлет, Гамлет!
Как же ты несчастен!

Быть иль не быть – не знает ни Шекспир,
ни Призрак, упомянутый не к ночи,
то ведает Творец, создавший мир.
Не хочешь ли спросить?
Но Гамлет – нет, не хочет.

В САМОМ СЕРДЦЕ

Горячий зной – разгорячён и я,
но вдруг повеяло отрадою прохлады:
горянка шла от горного ручья,
кувшин сиял, смеялся полный влаги.

Сгустилось марево, туманились сады,
и скрыло крыши верхнего аула,
я попросил мне дать глоток воды –
она кувшин, как сердце, протянула.

Дрожали руки, юных плеч покров…
Я жажду утолил – и был таков.

Далёко занесла меня судьба,
забыл я многое, но вот что не забылось:
она смахнула капельки со лба
и, поднимаясь по тропинке, скрылась.

А жизнь меняла русла и текла,
И много раз мне эта встреча снилась,
и понял я, куда любовь ушла –
она с горянкой по тропинке скрылась.

Она навек осталась за горой,
где родники и вечные вершины…

Я в самом сердце чувствую порой
дрожанье рук, дрожание кувшина!

КРИК

Блеснёт слеза – и расточится в миг,
под веками укроется тревога.
О как надрывен журавлиный крик,
как нелегка небесная дорога!

Не все до стран далёких долетят,
не все домой сумеют возвратиться,
я поднимаю к ним прощальный взгляд
и вижу беженцев потерянные лица.

Так страждет путник, свой покинув дом,
в страну чужую спешно улетая.
Он видит: за отеческим холмом
осталась жизнь. А будет ли другая?

* * *

Высокой воле гор
моя душа подвластна,
тоскую я по ним,
стремлюсь к ним ежечасно,
я опираюсь в городе на них,
чтоб на толпу смотреть спокойно вниз.

В них дух небес. Всевышний их создал,
Седло-Гора, аул мой Гонода –
нездешней, неземной они красы,
и сердце, словно горные часы,
стучит из каждой глыбы, из хребта,
в источнике и в камне у куста,
на горных цепях, на святой вершине,
на поясе горы, где светлая гряда,

оно стучит и произносит имя –
сладчайшее на свете: Гонода.

* * *

Есть одиночество, но мы в нём не одни:
мгновенья падают на бархат намазлыка,[1]
и чудным смыслом наполняются они,
когда молюсь в раскаянье великом.

Божественный, неповторимый миг,
когда Аллах тепло с небес взирает.
И ночь, вся светлая, – от края и до края –
готовится оставить этот мир
и четки звёзд, молясь, перебирает.

НА ГРАНИЦЕ СОВЕСТИ

Сам себе командир, снова бой вести,
сам себе трибунал и конвой,
я стою на границе совести –
сам себе на посту часовой.

Слово лживое в грудь нацелено,
Речь – картечью, навет кровав.
Умирают стихи, расстреляны,
строки лучшие – наповал.

Хмуры тучи, внезапны выстрелы –
весь в осколках упал снаряд,
но я насмерть стоял и выстоял –
сам себе боевой отряд.

Сам себе и страна, и воинство,
знаю, будет последний бой:
упаду на границе совести,
заслоню навсегда собой.

[1] Намазлык– молельный коврик

КОРАБЛЬ ГОСУДАРСТВА

И я там плыл, в тот страшный час судьбы,
когда корабль большого государства
с народами, где был и мой аварский,
встал на валах, весь в пене, на дыбы.

Мгновеньем отделен он был от краха.
И, взятый штормом в новые тиски,
об океан ударился с размаха,
и с треском разлетелся на куски.

И погрузилась родина на дно:
язык аварский, память и деянья
великих предков. Боже, как темно
и безысходно ей сейчас,
как жутко в яме!

Подушкой душной в изголовье – ночь,
и мысли и тревога – искрой красной:
жива ли родина? Кто может ей помочь?
Или всё поздно? Бестолку? Напрасно?

Я прошептал:
– Каков её удел?
Оборотясь в слезах к священной Мекке –
неужто в этом, двадцать первом веке
настал её последний,
судный день?

И вот сквозь визги тормозов,
шипенье шин,
услышал я в ночи, когда молился:
– Сын! Не бывают горы без вершин.
А на вершинах –
твой народ родился.

г. Махачкала